

— Во-первых, у нас был прекрасный литературный материал. Во-вторых, хорошие три главные роли. Актеры старшего поколения у меня снимаются из картины в картину. Например, мой любимый актер Алексей Петренко

— А Тышкевич как раскопали?

— У нас, в западной Белоруссии, живет много поляков, все знают польский язык... И вроде легко можно было бы пригласить белорусскую актрису, которая бы сыграла полячку. Но это была бы не совсем полячка. Поэтому для себя я определил: поляков должны играть поляки. Белорусов — белорусы. А русские роли — русские. Поэтому на все четыре польские роли я пригласил именно польских актеров.

С Беатой мне помог Кшиштоф Заусси... Они друзья много лет. Я сам поехал в Варшаву, актерское агентство подобрало мне остальных актеров...

— Кого из актеров отметите особо?

— С моей точки зрения, просто блестящая работа у Жени Миронова. О Жене я хотел бы вообще сказать особо. Я благодарен его маме.

— За что?

— В его доме я стал родным человеком. Я приходил к ним домой, мама накрывала стол, ставила угощение... Телефон без конца звонил, все искали Миронова... Мама никого не подпускает к Жене... У нас установились такие замечательные,

дружеские отношения с его семьей. И они, конечно, повлияли и на работу...

— Вы сразу его выбрали?

— Я знал, что хочу. Мы со вторым режиссером приехали в театр "Табакерка" на улице Чапыгина, встретились с Женей, я предложил ему сыграть, он сразу согласился... И больше я никаких проб на роль Алехина не делал... Но шли длинные поиски Таманцева и Блинова. Этого мальчика, Юру Колокольникова, мне нашла моя дочь. Она в это время училась и работала в Москве. Я ее попросил поискать восемнадцатилетнего парня по театральным школам Москвы. И она разыскала Юру Колокольникова, студента четвертого курса Щукинского училища. А что касается Таманцева, мы делали фантастическое количество проб. И все равно вернулись к Галкину. Мне кажется, что он очень хорошо справился с этой работой...

— Что было наиболее сложным во время съемок?

— Организация всего производства. Поднять всю эту машинерию... У нас полтора месяца с утра до вечера в кадре была почти тысяча солдат... "Студбекеры"... На улицах города, на военном полигоне под Гродно. И было безумием эту машину закрутить. Бензина нет, безумная августовская жара... Солдаты сгорали — им было плохо от солнечного уда-

Михаил Пташук (слева) и Евгений Миронов (в центре) получают ЦУ опытного бойца Виктора Павлова.

ра. Поэтому эта картина далась кровью.

— Помогали службы госбезопасности?

— Конечно... У нас были хорошие консультанты из контрразведки Комитета госбезопасности Белоруссии... Нам очень помогло Министерство обороны Белоруссии. Без него мы бы вообще ничего не сделали. Не так просто получить почти тысячу солдат и одеть их в форму того времени, дать каждому в руки ППШ. Что называется, "в масле"!

— Вам не кажется, что фильм слишком смахивает на американский боевик? Война как игра?

— Как раз первое обвинение Богомолова и было, что я уподобляюсь американскому кино... Но мне хотелось добиться сочетания и "экшна", и психологизма... Потому что сегодня наш зритель все-таки уже немножко другой. Все-таки мы делали картину для молодежи... Отсюда и весь монтажный ряд...

Владислав ГАЛКИН (старший лейтенант Таманцев): «Это герои нашего времени»

— Первый раз я прочитал роман в 12 лет, потом его несколько раз еще перечитывал. Мне эта история безумно нравилась, как и многим, наверное. В свое время это был не просто бестселлер — его читало поколение за поколением. И когда я поступал в Щукинское училище, и впоследствии на режиссерский факультет ВГИКа — у меня была идея-фикс. Мало того что я хотел играть Таманцева — я хотел еще снимать эту картину, надеясь, что до меня ее никто не тронет. И вдруг мне звонит мой агент и говорит, что "Момент истины" снимается. Мои ощущения в этой связи передать сложно. Для меня это была не просто навязчивая идея — я действительно обожал этот роман, и мне безумно нравился Таманцев.

Это же "герои нашего времени" — не криминальные, а настоящие мужики, молодые парни, обладающие удивительной силой, красотой, профессиональными качествами. Всем тем, что отличает человека принципи-

ального, мужчину, от модного на сегодняшний день среднеполого существа, которое, как говорит моя жена Даша, не смогло пережить сексуальную революцию.

Пробовался я на Таманцева очень тяжело, мучительно: Пташук около года, наверное, искал актеров на главные роли. Это очень сложный человек, он далеко не всегда знал, чего хочет. Я убежден, что картина сделана во многом не им, а артистами. По большому счету, Женей и мной. На Западе такое было бы вряд ли возможно: не секрет, что наших артистов от западных отличает в большей степени психологическая работа над образом. Поэтому так и сложилась русская школа театра, а не европейская или американская.

На самом деле в Пташке что-то есть неплохое — наверное, старая закалка. Сейчас

мало кто может себе позволить снимать 15—20 дублей, а мы за первые две недели съемок уничтожили весь бюджет пленки. Он снимал много, но монтажно. И даже ухитрился показывать сырые куски, что в кинопрактике вообще категорически не делают. Отправил Богомолову несколько кассет с рабочим, несмонтированным материалом. Разумеется, реакция Богомолова была однозначная. Но мы, актеры, с ним много советовались. Человек он достаточно жесткий, тяжелый, но очень грамотный и очень знающий. Поэтому его мнение было для нас важно.

У картины сложная, тяжелая судьба. Во-первых, Богомолов был изначально недоволен кандидатурой Пташука. Во-вторых, он снял свое имя и убрал название романа из титров. В-третьих, там было очень много внутренних проблем, которые не хочется выносить на суд. Да, было сложно. Давил груз ответственности — и перед Богомоловым, и перед темой. Но мы все очень старались. Потом стало легче, начали входить в колею. Но рулялись очень часто. Мы не только предлагали свое, но и делали.

Мне было приятно, когда на съемках господ, служившие в спецподразделениях, спрашивали нас: "Откуда вы все это знаете? Что, Таманцев — один из наших?"

У нас не было ни дублеров, ни каскадеров, специально в спортивном плане я не готовился. Но я занимаюсь боксом с детства. Потом, я большой любитель экстремальных ситуаций. Что касается трюков — мы все практически делали сами. Постановщиков не было. Все драки, прыжки — плод нашей фантазии. Это неплохо. Но когда это делают профессионалы, зачастую выглядят интересней.

Жаль, что много сцен не вошло в картину, но они были сняты. К сожалению, фильм лишен в определенной степени динамики, есть несколько кусков, которые могли быть интереснее, — например, сцена со Сталиным. Хотелось бы больше действия...

Вообще, уровень проблем в этой картине был гораздо выше производственных. Было очень тяжело. Изначально все друг другу ввали, все перессорились. Чудовищные конфликты. Но фильм есть. Актерская работа есть. Хотя для меня было большой неожиданностью, что лента в принципе вышла. Честно говоря, я уже не ждал. Но сделал почти все, что хотел. Это моя 32-я по счету картина. Многострадальная, но дорогая сердцу. Я осуществил свою мечту, насколько это было возможно... И мне стыдиться нечего. "Продукт" как таковой сам говорит за себя. Многим людям фильм нравится. Так что, хотя и много помоев было вылито, но в итоге результат есть. Дай Бог, чтоб он дошел до зрителя.

— Вас не упрекали, что вы слегка романтизируете работу СМЕРШевцев?

— Мне все про это говорят. Но мне хотелось приподнять романтически сюжет... Все-таки прошло уже 60 лет... Когда мы говорим слово “шпионы” — в нас что-то дергается... Может, не совсем все получилось, но нам хотелось сделать такую романтическую картину. И очень психологическую.

— Почему Богомолов решил убрать из титров свое имя и название “Момент истины”?

— По контракту между Богомоловым и Министерством культуры название картины записано “В августе 44-го” — как и сам роман. Почему он изъясил? Этому способствовали многие обстоятельства. И не только творческие. Наши журналисты раздули совершенно ложную ситуацию, раскрыв на страницах прессы секреты контракта Богомолова и Министерства культуры. Все-таки это является тайной для любого человека. И он подумал, что это я выдал его секреты. Собственно, с этого все и началось. Не появился та или иная статья — все сложилось бы иначе...

— Говорят, он вникал во все детали съемки?

— Еще как! Допустим, у нас в кадре офицер с портупеей. Он говорит, что офицер не носит портупею. Но одни не носят, другие носят — тут такое дело. А надо переснимать. Он делал, допустим, такое замечание — у офицера торчит на несколько миллиметров больше белая полоска из-под кителя... Или фары ночью у военных машин выключены... Ну в кино как ночью снимать без фар? Что будет на экране? Это тоже спорные моменты.

Он смотрел материально. Почему солдаты ходят в новой форме? Мы все убрали потом в монтаже. Но это все поправимые вещи. Творческий контакт

мы могли найти. Но были нарушены человеческие контакты. Я ему всегда говорил и сейчас через ваш журнал хочу сказать, что я перед ним чист, как перед Богом. Я ему ничего плохого не сделал. Нас стравлила пресса.

— Правда, что Ольга Семаго хотела сыграть у вас главную роль?

— Сплетни. Она ничего не сыграла. Она очень милая, замечательная женщина, приезжала несколько раз к нам, и у группы с ней установился замечательный контакт — в отличие от самого Семаго.

— Где нашли такие красивые пейзажи?

— Под Минском. Есть такой городок Слоним, Западная Белоруссия... Там все — рельефы, домики, архитектура — отличается от восточной части Белоруссии. Мы там и снимали. А вообще-то в романе Богомолова описан город Лида — он от Слонима находится в 100 километрах, это одна область. Но Лида — это уже современный западный городок.

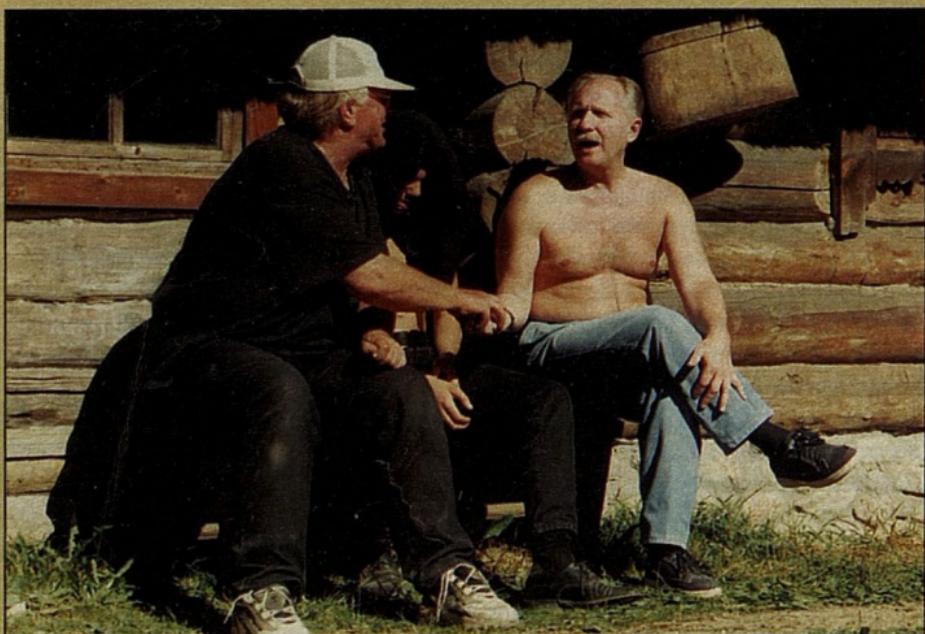
— Вы сами-то довольны этой работой?

— Я уже устал. Прошло три года! Сначала мы сняли натуру. Семь месяцев картина была законсервирована, не было денег продолжать работу. Потом мы включились. Потом опять пошли в простой...

Мы планировали сделать картину к 9 мая 2000 года. Но из-за денег шла эта длинная тягомотина. Поэтому сейчас мы планируем показать ее к 9 мая, а к 22 июня привезти в Брест — в связи с 60-летием начала войны.

— Будете еще снимать фильмы на военную тему?

— Нет, никогда. Я сейчас очень хочу снять картину о чернобыльской трагедии, есть интересный сюжет...

Режиссер Михаил Пташук
и актер Владимир Семаго (по совместительству продюсер)